

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Л. Ионин

Теоретико-методологические
основы изучения гражданского
общества

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Ionin_L_G.pdf

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Л. Ионин

Теоретико-методологические основы изучения гражданского общества

Оглавление

Вступительные замечания

1. Исторические формы понимания гражданского общества
 - Первый этап: гражданское общество вне государства
 - Второй этап: гражданское общество как капитализм
 - Третий этап: выделение особой сферы гражданского общества
2. Дифференциация сфер жизни общества
 - Сфера гражданского общества
 - Сфера экономики
 - Государственно-административная сфера
3. Взаимодействие гражданского общества и других сфер
 - Отношения между гражданской и экономической сферами
 - Отношения между гражданской и другими негражданскими сферами
 - Парадокс институционализации гражданского общества

Вступительные замечания

Нынешнее состояние исследований гражданского общества, несмотря на большое внимание, уделяемое этому феномену, как учеными, так и практическими деятелями, трудно признать успешным. Это касается как исторического, так и теоретического, и практического аспектов изучения. В историческом смысле господствует некое достаточно стерильное рассмотрение, сводящееся к перечислению и сравнению того, что сказал о гражданском обществе Локк, что сказал

Токвиль, что сказал Гегель, Маркс, Хабермас и т.д. При этом странным образом их высказывания о гражданском обществе не связывается или мало связывается с целостным контекстом их идей и, главное, с социально-историческим контекстом их мысли. В результате проблематика гражданского общества выглядит как социально-научный факультатив, а не как одна из величайших проблем, определивших ход последних двух веков европейской истории, каковой она, по сути, является.

В теоретическом смысле, прежде всего, нет единства в понимании самого феномена гражданского общества, оно то отождествляется с негосударственным вообще, то сводится к конкретным социально-политическим институтам, чаще всего – к НКО или НГО. В результате огромный социальный потенциал гражданского общества либо остается непонятым в его специфике, либо искусственным образом занижается.

В эмпирических исследованиях гражданское общество почти исключительно понимается только как совокупность НКО. Понятно, что это удобное поле исследования, где объект заранее четко и однозначно определен. Но это определение – не столько результат теоретического анализа (а именно таковым должно быть всякое операциональное определение), сколько продукт волевого решения, принимаемого в силу простоты и доступности избранного объекта, во-первых, и в силу неопределенности и сложности альтернативных вариантов, во-вторых. Такой упрощающий подход, ясно, нельзя назвать в достаточной степени научным подходом.

Недостаток «научности» проявляется не только в определении объекта исследования. Он проявляется также в категоризации явлений и типов поведения в рамках гражданского общества (все эти категории опять же не являются продуктом научного анализа, а скорее некритически перенятыми «обыденными» категориями), а также в некритически перенимаемых у практических деятелей оценках явлений в этой сфере.

В результате исследования гражданского общества вместо того, чтобы продемонстрировать первостепенную важность и центральную роль самого этого феномена для жизни общества, оказываются исследованиями как бы периферии общественной жизни – области борьбы против злоупотреблений властей, а само гражданское общество – маргинальным явлением, сводимым к НКО, где трудятся скандальные активисты, вставляющие палки в колеса занятым серьезными делами

государственным органам. Важность этих исследований (также, как важность самого феномена) молчаливо предполагается, а иногда заявляется исследователями, но остается непоказанной и недоказанной.

Кроме того, в исследованиях зачастую воспроизводится антигосударственный пафос, свойственный некоторым практически действующим НКО и укорененный в сильной теоретической традиции, имеющей, впрочем, конкретное социально-историческое происхождение (об этом будет говориться далее). С точки зрения этой традиции гражданское общество рассматривается либо как противник, либо как альтернатива государству. На самом деле, гражданская сфера, если рассматривать ее как центральную сферу общественной жизни (об этом также ниже), должна играть в обществе не дезинтергрирующую, а, наоборот, интегрирующую роль, а государство в таком случае оказывается не противником, а может и должно быть союзником гражданского общества, которое без этого союзника может впасть в очень тягостную и унижительную зависимость от частного интереса.

Настоящая работа представляет собой попытку, опираясь на работы некоторых западных — в частности, Ю.Хабермаса, Дж.Александера, Х.Шпинера и др., — а также некоторых отечественных исследователей, наметить некоторые пути возможной коррекции, а также расширения области исследований гражданского общества.

Исторические формы понимания гражданского общества

Первый этап: гражданское общество вне государства

Понятие гражданского общества появилось в социально-философском дискурсе в конце XVII века, прежде всего в работах Дж. Локка и Харрингтона, получило развитие в трудах шотландских моралистов, в частности, Фергюсона, а также у А.Смита, Руссо и Гегеля и особенно активно использовалось у Токвиля. Происхождение и первоначальное развитие этого понятия многократно и плодотворно исследовано у разных зарубежных, а за ними и отечественных авторов¹,

¹ Seligman A. The Idea of Civil Society. N.Y., 1993, Hall J. A. Civil Society: History, Theory, Comparison. Cambridge, 1995, Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники, М. 2003, Витюк В.В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция. М.,1995, Стратегии формирования гражданского общества в России. СПб, 2002 и др.

так что можно перейти к делу, не воспроизводя многочисленных общеизвестных цитат.

Для большинства этих авторов понятие «гражданское общество» относилось к совокупности самых разнообразных отношений и институтов, общим отличительным признаком которых является их нахождение вне государства. Это совокупность межличностных отношений и развивающихся вне рамок государства и без его вмешательства взаимодействий – семейных, групповых (общественных), экономических, культурных, религиозных и т.п. Сюда, разумеется, относится и капиталистический рынок со всеми его институтами, а также различные вероисповедания (у разных авторов – по-разному, в зависимости от того, идет ли речь об институционализированных или неинституционализированных религиях), частные и публичные ассоциации и организации, все формы кооперативных социальных отношений, где возникают доверительные межчеловеческие отношения, общественное мнение, правовые отношения и институты, а также политические партии. Но главное, гражданское общество – это зонтик, под которым находится все, что не государство.

При этом оно рассматривается как идеальная модель общественного развития, в которой равно представлены интересы всех его членов, то есть как своеобразная "регулятивная идея" общества. Оно наделяется некой моральной и этической силой. Его цивилизующее воздействие распространяется и на капиталистический рынок со всеми его атрибутами – эгоизмом, стремлением к выгоде и частной собственности. В то же время и сам рынок воспринимался – по крайней мере, многими передовыми мыслителями – как орудие выработки положительных качеств человеческого общежития, таких как мир в международных отношениях, спокойствие и стабильность внутри стран, возрастающее демократическое участие людей в формировании собственной жизни. Капитализм понимался как структура, производящая самодисциплину и индивидуальную ответственность. Именно он способствует созданию социальной системы, поощряющей индивидуальные способности и усилия в противоположность ненавидимой аристократии и военным режимам, где индивидуальное усилие теряется за корпоративным величием, и феодализму с его иерархиями аскриптивных статусов. По Хиршману², Монтескье,

² Hirschman A.O. The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism before its Triumph. Princeton, N.J., 1977

например, воспел ранний капитализм именно как этическую силу. В известной и влиятельной «Автобиографии» Бенджамена Франклина, где гражданские доблести ассоциируются с дисциплиной и участием в рынке, силен именно этический мотив. Именно к ней, в частности, апеллирует Макс Вебер в «Протестантской этике» с ее тезисом о теснейшей изначальной связи мотивации экономического поведения в раннем капитализме с этическими постулатами некоторых протестантских деноминаций.

Явно позитивное и этически релевантное понимание капиталистического рынка, характерное для начального периода развития концепций гражданского общества, пережило драматическую трансформацию в начале и середине 19 века. Как пишет Дж.Александр, переход капитализма в индустриальную стадию сделал полностью неактуальной притчу Мандевиля о капитализме как кооперации трудящихся пчел³. Как показывает тот же Хиршман, негативное отождествление капитализма с бесчеловечной инструментальностью, угнетением и эксплуатацией впервые возникло у радикальных британских политэкономов типа Ходжкинса в первые десятилетия XIX века. Маркс, говорит Хиршман, столкнулся с этой манихейской литературой в начале 40-х годов и создал для нее прочное основание из экономической и социологической теории. Его голос, хотя и самый важный с теоретической точки зрения, был все же, говоря исторически, лишь одним голосом из многих. Возникающую ненависть к капитализму, выражающуюся не только в его отождествлении со всеми язвами феодального господства, но и с еще худшими пороками, выражал целый хор утопистов, анархистов, социалистов как светского, так и религиозного толка. То, что считалось этически достойным в капитализме, обнаружило свою оборотную сторону. Поощрение самостоятельности и независимости, то есть позитивный индивидуализм, вылились в распад социальных связей. Позже Макс Вебер писал, что низкая эффективность рабского труда объясняется, в частности, необходимостью для хозяина брать на себя заботу о поддержании жизни и семьи раба или крепостного, а также о его обучении. Капитализм, создав рынок труда, освободил работодателя от этих обязательств и переложил заботу о семье и собственном обучении на самого неимущего, и инструментализировал тем

³ Real Civil Society: Dilemmas of Institutionalisation. London, 1998

самым отношения хозяина и работника, разорвав их изначально существовавшую патриархальную связь⁴.

Важно отметить, что и сами новые капиталисты, как и сами выразители либеральных экономических идей, не отрицали такого видения капитализма как антисоциальной силы. Проводя доктрину *laissez-fair*, как подчеркивает Александер, скорее в антисмитовском духе, они как бы провозглашали открыто: «К черту общество! Это, мол, не наша забота!», тем более, что эффективность труда и производства очевидно повышается. Лучше всего это растущее противопоставление злонамеренного эгоистического «рынка», с одной стороны, и «общества», объединяемого моралью и чувством коллектива, - с другой, в XX веке отражено у К.Поланьи, писавшего в своей знаменитой книге, что «человеческая деградация трудящихся классов в эпоху раннего капитализма стала результатом социальной катастрофы, которая не поддается выражению в экономических терминах»⁵.

Второй этап: гражданское общество как капитализм

В области социальной теории, как показывает Александер, эта переоценка капитализма, или, лучше сказать, драматическая трансформация его моральной и социальной идентичности оказала судьбоносный эффект на концепцию гражданского общества. Если на предыдущем этапе рыночные отношения и структуры рассматривались как интегральная часть гражданского общества, то теперь капитализм, так сказать, занял собой все; все позитивно морально окрашенные ассоциативные, кооперативных, демократические в самом широком смысле, публичные аспекты отступили на задний план, и само гражданское общество стало прямо ассоциироваться с рыночным капитализмом как таковым. Это сведение гражданского общества к капитализму ярче всего выразилось и сформировалось в работах Маркса первой половины 40-х годов, завершившихся «Экономическо-философскими рукописями». Гражданское общество теперь не только представляет собой поле игры личных индивидуальных интересов, но рассматривается как правовая, политическая и культурная «надстройка», маскирующая господство товарного производства и класса капиталистов. В более современном смысле слова, гражданское общество – это миф,

⁴ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tuebingen, 1956, S.111

⁵ Поланьи М. *Великая трансформация*. СПб., 2002, с.310

скрывающий подлинность отношений внутри капитализма. Такой точке зрения уже в XX веке следовал В.Беньямин и частично – представители критической теории. Для Маркса индустриальный капитализм состоит только из рынков, классов и групп, формирующихся на основе рынков, и государства, в свою очередь, выражающего интересы одной из рыночных групп. Общество как моральная общность и как коллектив просто исчезает. Только подавляемые капиталистами межчеловеческие связи и отношения солидарности, сохраняющиеся внутри рабочего класса, полагал Маркс, могут стать основой воссоздания погубленной капитализмом социальной организации. Другими словами, если развитие рыночного капитализма ликвидировало гражданское общество, заменив его фиктивно гражданской «надстройкой», то уничтожение капитализма оказывается предпосылкой восстановления гражданского общества, точнее, создания некоего его аналога на основе солидарности угнетаемых капитализмом групп и слоев. Заметим в скобках, что нельзя поэтому утверждать, как это часто встречается в современных работах, что Маркс был «противником» гражданского общества; он был противником того, что понималось как капиталистическая «надстройка», и пророком создания нового общества, свободного от губительного капитализма и воплощающего в себе лучшие черты того, что большая часть совершенно немарксистских мыслителей понимала под гражданским обществом.

Не удивительно, что в такой социальной и интеллектуальной ситуации, характерной для середины 19 века, гражданское общество как одно из важнейших понятий социальной теории, почти полностью исчезло с повестки дня. Оно есть не самостоятельное «общество», а эпифеномен экономической структуры капитализма, то есть надстройка, а потому в таком понятии нет теоретической, как и практической социальной, необходимости. Оно либо надстройка, либо его нет вовсе. Социальное и интеллектуальное внимание в период бедствий, связанных с ранним промышленным капитализмом, передвинулось к государству. На повестку дня выдвинулась проблема субстантивного (то есть материального, если использовать терминологию Макса Вебера) - в противоположность формальному – равенства. Проблемы индивидуальной свободы и демократического участия, ранее воспринимавшиеся как основа равенства во всех его прочих формах, стали рассматриваться как менее значимые. Появились как радикальные, так и консервативные теории сильного государства, в рамках которых бюрократическая регуляция рассматривалась как единственное орудие

уравновешивания нестабильности и негуманности рыночных процессов. Ситуацию в социальных науках того времени точно охарактеризовал Дж.Александр: в возникающих социальных науках мобильность, бедность и классовый конфликт стали главными исследовательскими и теоретическими темами. В социальной и политической философии на первый план выдвинулись теории утилитаризма и социального контракта вместе с неокантианским пониманием справедливости в терминах формальной рациональности и процедурной четкости – и все это за счет этического исследования требований и предпосылок достойной жизни⁶.

Такое представление о соотношении капитализма и гражданского общества господствовало в течение более чем целого столетия, причем поддерживалось оно не только марксистами и левыми вообще, но и правыми идеологами, и, так сказать, беспартийными исследователями. В частности, упоминавшаяся выше знаменитая книга К.Поланьи «Великая трансформация», вышедшая в свет в 1957 г. сыграла важную роль в поддержании и распространении таких взглядов. Даже в самом конце XX столетия идеологи рыночных реформ в России придерживались в сущности именно таких взглядов. Будто бы о них пишет Александр, характеризуя идейные бои, развертывающиеся в конце XIX столетия: «отождествляя общество с рынком, правые идеологи утверждали, что эффективное функционирование капитализма требует ослабления социального контроля, что гражданское общество это и есть частный рынок, что экономические процессы сами породят институты, необходимые для развития демократии и взаимного уважения, и поэтому без угрызений совести разрушали публичные институты, которые могли бы сформировать социальную солидарность вне рыночной площади»⁷. Однако если, с точки зрения правых, отождествление капитализма с гражданским обществом предполагало отмену общества, то с точки зрения левых, оно же требовало отмены рынка и самой частной собственности. Если гражданственность и сотрудничество искажены и извращены капитализмом, значит его нужно ликвидировать, а их восстановить в полном объеме. В этом смысле сильное государство было логичным требованием левых, и социалистические движения стали ассоциироваться не только с требованием равенства, но и с введением авторитарного бюрократического контроля и управления. Не только

⁶ Real Civil Societies..., p. 5

⁷ Ibid, p.6

позиция правых, но и вся эта идейная коллизия целиком оказалась воспроизведенной в ходе рыночных реформ в России.

В последние два десятилетия, как хорошо известно, революционные по своим масштабам социальные и культурные явления вызвали новый интерес к гражданскому обществу и осознание его необходимости как особой общественной сферы. Изменения происходили одновременно как в социальных науках, так и в жизни обществ. В социальных науках начал господствовать интерес не к системам, а к неформальным связям, интимным и доверительным отношениям, символическим и культурным процессам, а также к институтам общественной жизни, то есть ко всему тому, из чего должно складываться реальное гражданское общество. Но при этом само понимание гражданского общества стало складываться, в основном, как некая совокупность подходов, характерных для двух предшествующих этапов развития этого понятия. С одной стороны, оно стало до известной степени отождествляться с капиталистическим обществом на том основании, что только частная собственность и рынок обеспечивают индивидуализм и частную инициативу, требуемые для реализации гражданского общества. Это соответствует духу второго этапа, о котором сейчас идет речь. С другой стороны, оно стало пониматься как «негосударственный», а в определенной мере даже и антигосударственный (т.е. противопоставляемый государству как таковому) аспект общества в целом, как все, что выходит за рамки государства, что соответствует духу описанного выше первого этапа. Мотивы возрождения одного и другого подходов очевидны. Стремление к отождествлению с капитализмом логически вытекает из крушения коммунистических режимов, подавлявших гражданские проявления или стремившихся поставить их под жесткий административный контроль. А антигосударственный пафос объясняется тем, что сильное государство утратило свой престиж, как экономический в связи с падением производительности административно управляемого хозяйства, так и политический — по причине распада многих коммунистических государств и авторитарных бюрократических режимов. Хотя так же, как в конце XIX века, звучат призывы к сильному государству, которое должно во имя сохранения сотрудничества и солидарности общества защищать людей от воздействия безличных рыночных сил.

Третий этап: выделение особой сферы гражданского общества

Одновременно с возрождением прежних взглядов социальные процессы и сопутствующее им теоретическое развитие привело к возникновению концепций, позволяющих понять гражданское общество в его специфике глубже, чем на предыдущих этапах. Оно теперь может быть истолковано более четко и специфично, чем на первом этапе, когда оно охватывало собой все, что не было государством, и в то же время шире и «универсальнее», чем в редукционистской версии второго этапа, когда гражданское общество отождествлялось с рынком. Теперь гражданское общество стало осознаваться как сфера, аналитически независимая и в определенной степени эмпирически отделенная не только от государства и рынка, но и некоторых других специализированных сфер жизни общества, где господствуют иные, чем в гражданском обществе принципы и нормы, прежде всего нормы равенства. Одним из основоположников такого подхода стал Ю.Хабермас с его идеей дифференциации сфер общественной интеграции и выделением сферы общественности или публичности как главного источника общественной солидарности. «Наряду с иерархической регулятивной инстанцией верховной государственной власти, - пишет Хабермас, - и децентрализованной регулятивной инстанцией рынка, то есть наряду с административной властью и собственным интересом в качестве третьего источника общественной интеграции выступает *солидарность*»⁸. Установление солидарности через коммуникацию и есть функция гражданского общества. Здесь, заметим, у гражданского общества не «симметричные» отношения с экономикой и государством. Последнее ближе гражданскому обществу, ибо соединяется с ним в ходе формирования общественного мнения и политической воли⁹.

Именно на основе хабермасовской и разрабатываемой несколькими другими авторами концепции гражданской и негражданской сфер возникло несколько механистическая концепция трехсекторной организации общества, состоящего из экономического сектора, государственного сектора и сектора некоммерческих и негосударственных организаций. Ее можно назвать механической, потому что она сводит различие трех сфер общественной жизни к организационным различиям и не отражает реальной сложности взаимоотношений этих сфер и их

⁸ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб, 2001, с.382

⁹ Там же, с. 383

реального взаимопроникновения, что делает исследования гражданского общества, опирающиеся на эту модель, оторванными от реальной действительности. Подробнее об этом речь пойдет позже, а сейчас сказать об этом было необходимо, чтобы показать, что, несмотря на общность происхождения, трехсекторная модель существенно отличается от подхода с точки зрения гражданской, экономической, административной и иных сфер общественной жизни.

Такое новое представление заставляет пересматривать многие ставшие уже привычными представления о связи большого числа характеристик, свойственных гражданскому обществу, с капитализмом и рынком. Так, становится ясно, что ранние концепции ошибочно связывали не возникновение индивидуализма и снижение роли коллективных социальных обязанностей с рыночным обществом. Индивидуализм, как показывают многие не только современные, но и классические исследования, имеет на Западе долгую историю как моральная позиция, как институциональный факт и как модель организации взаимодействия. У него внеэкономическая основа в культурном наследии христианства с его идеями бессмертной души, совести и исповедания, в Ренессансе — с его практиками самопрезентации, в Ренессансе — с новым упором на индивидуальные отношения с Богом, в Просвещении — с его идеей важности собственного суждения, в Романтизм — с его восстановлением экспрессивной индивидуальности и т.д.¹⁰. Институты, поощряющие и моделирующие индивидуализм, прослеживаются во многих средневековых установлениях, определявших специфику западного феодализма, в обретших независимость городах, появившихся в позднем средневековье и сыгравших важную историческую роль в возникновении абсолютистского государства, что хорошо прослеживается и демонстрируется в работах Макса Вебера, школы Анналов, Броделя и др. Из них становится ясно, что не практики рыночного капитализма сформировали как моральный, так и имморальный индивидуализм. Они скорее ознаменовали его спецификацию и институционализацию наряду с другими отмеченными в тот период как бы новым рождением, формами социальной организации, как, например, парламентская демократия.

Также существовало и «гражданское общество» в форме коллективно вырабатываемых добровольно принимаемых, а не

¹⁰ См.: Taylor Ch. Sources of the Self: The Making of Modern Individualism. Cambridge, Mass., 1989

административно навязываемых обязательств общности по отношению к ее членам и обязательств членов по отношению к общности. Это происходило, например, в германских марковых и русских крестьянских общинах, в последних даже вопреки самому жестокому административному гнету. П.Сорокин не случайно писал, что исследователи часто не замечали, что под «железной крышей самодержавия» существовали сотни и тысячи «крестьянских республик». Существовали и другие формы интеграции и солидарности, например, идея «народа», коренящаяся в общности происхождения, общности этноса, которая стала основой образования национальных государств уже в эпоху раннего капитализма. Также нельзя считать, что социальные движения, которые Поланьи назвал «протекционистскими», возникли исключительно как реакция на жестокие практики раннего индустриального капитализма. Наоборот, эти движения, действующие во имя «общества», то есть во имя солидарности против разъединяющих влияний рынка, существовали задолго до капитализма, прежде всего как неинституционализированные религиозные движения, направленные против собственности и эгоистического стремления к выгоде, но также, как правильно отмечает Дж.Александр, в виде целого комплекса глубоко институционализированных и культурно общепринятых нерыночных, неиндивидуалистических сил и практик, характерных именно для западного общества. Именно благодаря этим движениям, силам, практикам и формировался антикапиталистический «протекционизм» и протест во имя и от имени «народа».

Как показывает это краткое обращение к истории, гражданское общество и капитализм должны концептуализироваться в существенно разных терминах. Гражданская сфера в ее специфике, как указывает Дж.Александр¹¹, должна восприниматься как сфера солидарности, в которой постепенно формулируется и до некоторой степени навязывается некий род универсализирующей общности. В той мере, в какой эта общность существует, она выражается «общественным мнением», обладает собственным культурным кодом и нарративом (в терминах демократии; в России это – новгородское вече, сельские и городские «миры», земство и т.д.), обладает набором обязательных институтов, прежде всего права и журналистики, и проявляется в исторически определенном наборе практик взаимодействия, таких как

¹¹ Real Civil Societies..., p.7

гражданственность, равенство, критичность, доверие и уважение. Такого рода гражданская общность не может существовать в чистом виде, скажем, как система четко определенных организаций, она есть идеальный тип в веберовском смысле и в реальности существует всегда лишь в некоторой степени, в некотором приближении. Одна из причин этого в том, что она всегда находится в состоянии взаимопроникновения и взаимосвязи с другими, более или менее дифференцированными сферами, имеющими собственные критерии справедливости, собственные ценности и мотивации, собственные системы вознаграждений и наказаний. Эти взаимосвязь и взаимопроникновение происходят из того, что ни один человек не может быть членом только лишь гражданского общества, или экономической, или государственной общности. Он всегда находится в точке пересечения многих «социальных кругов» (уже в смысле Зиммеля), всегда обладает «двойным» или даже множественным членством, что порождает часто в деятельности одного и того же индивида смешение правил, норм, ценностей, критериев.

Поэтому невозможно механически отделить гражданское общество от других, негражданских общностей, а если такое отделение произведено и полученное таким образом гражданское общество (в виде НКО и НГО) сделано объектом изучения, то мы изучаем фиктивный объект и, главное, изучаем его не в его специфике (с точки зрения создания общественной солидарности), а с точки зрения его организационной структуры, финансовых и юридических связей и т.д., то есть как представляющего иную, негражданскую сферу. Его «гражданскость» ускользает из поля зрения исследователя.

Несколько перефразируя современного автора, можно сказать, что мы одновременно и *целиком* и капиталистическое общество, и бюрократическое, и секулярное, и рациональное и действительно гражданское, Поэтому гражданское общество — это аналитически выделяемая сфера, а не совокупность реальных объектов в мире, так же, как и любая другая из указанных общностей, хотя, безусловно, имеются и эмпирические объекты, принадлежащие «по преимуществу» к какой-то одной сфере.

2. Дифференциация сфер жизни общества

Итак, если следовать принятой логике, гражданским обществом можно назвать сферу или подсистему общества, которая аналитически и

до некоторой степени эмпирически отделена от сфер политической, экономической и религиозной жизни. Гражданское общество – это область солидарности, где в напряженном взаимодействии переплетены абстрактно универсалистские принципы и партикуляристские основания общностей. Это одновременно нормативное и реальное понятие. Оно открывает доступ к эмпирическому изучению отношений между универсальными правами индивидов и партикулярными ограничениями этих прав, как обстоятельств, определяющих *статус гражданского общества как такового*¹².

Гражданское общество зависимо от ресурсов или вкладов из всех других сфер – политики, экономических институтов, всего широкого культурного контекста, территориальной организации, а также изначальных традиций общества. Но это не прямая, так сказать, каузальная зависимость. Гражданское общество, а также группы, индивиды и акторы, которые представляют его интересы (в терминах самой этой подсистемы) используют эти «вклады» и ресурсы, комбинируя и сочетая их в зависимости от логики дела, от требований конкретной ситуации деятельности. Поэтому и можно говорить об относительной автономии гражданского общества и изучать его, как особый феномен¹³.

Гражданское общество можно рассматривать с моральной, институциональной и идеологической точек зрения. Первая позиция является нормативной, и предметом рассмотрения в нормативных терминах становится содержание гражданского учения, то есть представления членов и активных деятелей (акторов) гражданского общества о принципах общественной солидарности, которые составляют основу их деятельности именно как членов и акторов гражданского общества.

С институциональной точки зрения исследуются стабильные средства выражения моральных требований гражданского общества; оно выражает свои моральные принципы через существующие институты, такие как конституции и законодательства, с одной стороны, и государственные организации, – с другой. Кроме того, оно создает собственные институты: это СМИ, институты выражения общественного мнения (опросы, голосования), а также специфические «собственные» организации гражданского общества (НКО). В результате оно обретает довольно сложную социальную структуру, где имеется собственная

¹² Op. cit., p.96-7

¹³ Ibid.

стратификация, структуры элит, структуры контроля, структуры институционализации (превращения движений и инициатив в формальные организации) и т.д.

К идеологической стороне относятся культурные коды и нарративы, о которых упоминалось выше. Это, так сказать, орудия самопонимания гражданского общества и модели интерпретации, которые его члены и акторы применяют для понимания и категоризации людей, предметов и событий в сфере их деятельности. Эта идеология имеет поэтому сугубо практический характер. Кроме того, она не всегда эксплицирована и выражена в писаной форме. Она представляет собой смесь теоретических моделей и описаний с псевдотеоретическими представлениями обыденного знания, которые в совокупности и определяют реальное социальное поведение членов и акторов гражданского общества.

Эти абстрактные характеристики применимы *mutatis mutandis* не только к гражданскому обществу, но и к другим сферам социальной жизни. Далее в этом разделе попытаемся по необходимости кратко выделить некоторые черты гражданского общества и основных негражданских сфер, позволяющие дифференцировать их как отдельные «субсистемы».

Надо сказать, что все эти подразделения (моральное, институциональное, идеологическое) носят также аналитический характер. В реальности они тесно переплетены и постоянно переходят одно в другое. Их разделение в практической исследовательской деятельности требует глубокой аналитической работы. Безусловно, мораль может без всяких разделительных линий перетекать в идеологию и обратно, а институты (точнее институциональное поведение) может воплощать в себе моральную обязательность, с одной стороны, и идеологическое обоснование, - с другой. Здесь нет возможности углубляться в детали, поэтому ниже следует некий обобщенный образ интересующих нас сфер с упором на функционировании знания в этих контекстах. Методологической и теоретической основой здесь является концепция немецкого теоретика Г.Шпинера о «порядке (организации) знания» как одном из основных «порядков» (организующих структур) информационного общества¹⁴.

¹⁴ Spinner H. Die Wissensordnung. Ein Leitkonzept fuer die dritte Grundordnung des Informationszeitalter. Opladen, 1994

Необходимо также отметить, что нижесказанное не представляет собой эмпирическое описание структур гражданской и других сфер. Это, скорее, идеальный тип в веберовском смысле этого понятия.

Сфера гражданского общества

Характерной чертой функционирования знания (идеологий, морали, представлений об институтах) является то, что это род знания, изначально являющегося общественным достоянием. В отличие от бюрократического знания (о нем, так же, как о конституировании экономической сферы будет сказано ниже), для которого характерны разные степени ограничения распространения информации, которая понимается как информация для служебного пользования, и в отличие от экономической информации, распространение которой существенно ограничено категорией коммерческой тайны, знание, присущее гражданскому обществу, по самой своей природе претендует быть всеобщим достоянием. Оно не только не скрывается, но пропагандируется, причем (в отличие от знания, функционирующего в экономической сфере) пропагандируется бесплатно, и не только не продаются, но даже силой навязываются потребителю. Это знание в одной из его «чистых» форм. Можно даже сказать, что ограничение и «придерживание» информации в НКО или в прессе, а также коммерческое использование «баз данных» и пр. представляет собой нарушение одного из конститутивных принципов гражданского общества.

Центральным локусом применения и обращения идеологий становится то, что Г. Шпинер называет конституционно-правовым порядком и что мы предпочитаем называть порядком общественного мнения. Его центральная функция – поддержание и нормирование систем получения и выражения взглядов и мнений. Здесь речь идет исключительно о повседневном знании, то есть о мнениях, взглядах, точках зрения, суждениях, мировоззрениях и позициях, для которых не характерны квалификационные признаки научного знания, то есть истинность, обоснованность, рациональность и др. Это очень важный момент: в рамках структур гражданского общества имеют право на выражение абсолютно все взгляды и мнения, независимо от того, насколько они истинны, рациональны и обоснованы. Ограничения на их высказывание и выражение также есть нарушение одного из конститутивных принципов гражданского общества.

При этом не должен обманывать тот факт, что выражение идеологий и мнений может принимать внешне наукоподобный характер: могут организовываться "школы", "академии" (будь то политические, оздоровительные, астрологические и т.п. учреждения), читаться систематические лекции, проводиться экспертные оценки – все равно это будет повседневное знание. Его главные характеристики как такового: во-первых, оно всеохватно, то есть включает в себя практически все, что актуально и потенциально входит в мир индивидуума, то есть все, что "релевантно" для него (за исключением сферы его профессиональной деятельности как эксперта). Во-вторых, оно имеет практический характер, то есть формируется и развивается не ради самого себя (как, например, научное знание, определяемое идеалом "науки для науки"), а в непосредственной связи с реальными жизненными целями. В-третьих, главной его конститутивной характеристикой является его нерелексированный характер: оно принимается на веру как таковое, не требуя систематических аргументов и доказательств.

Так вот получение и высказывание знаний именно такого рода и становятся предметом регулирования в рамках конституционно-правовой сферы. Ее главной нормой является свобода распоряжения знаниями, как своими собственными, так и "чужими", вращающимися в этой сфере. Другими словами, конституционно-правовой порядок – это порядок, устанавливающий и реализующий принципы свободы слова как максимально неограниченной свободы *выражать, воспринимать и критиковать* мнения, взгляды и идеологии. Так сказать, вторичными нормами этой сферы можно считать норму равнозначности всех мнений и точек зрения и норму свободного доступа к этой сфере. Под первой подразумевается отсутствие всяких квалификационных требований к "качеству" мнения (с точки зрения, как уже отмечалось, его истинности, содержательности, эмпирической подтверждаемости и т.д.), под второй – отсутствие формальных барьеров доступа к "форуму мнений" (например, требования обосновать мнение). Институциональную структуру конституционно-правовой сферы представляют институты общественного мнения и охраняемая законом сфера частной жизни. Поэтому к конституционно-правовому порядку знаний Шпинер, на наш взгляд, правильно относит как парламент и масс-медиа, с одной стороны, так и неформальные сети коммуникаций, наполненные слухами и разрозненными обрывочными сведениями, - с другой. Самым полным и последовательным выражением конституционно-правовой сферы, его

совершенной институциональной формой является процедура свободного демократического голосования: "один человек - один голос", - причем абсолютно не важны ни обоснованность, ни прочие эпистемологические, психологические, социологические и любые другие качества высказываемого мнения. Парадигмой деятельности в этой сфере можно считать основные "когнитивные" права, то есть демократические права, связанные со знанием и информацией (свобода слова, свобода веры, свобода прессы).

Однако общая нормативная и институциональная структура конституционно-правовой сферы оказывается весьма противоречивой. Во-первых, практически в любом обществе с большей или меньшей силой проявляется противоречие между приватностью и публичностью внутри самого этого порядка. Требования доступности и открытости информации часто входят в конфликт с правом личности на сохранение в неприкосновенности ее приватной сферы. Особенно ярко это проявляется в деятельности прессы, действующей исходя из императива максимальной полноты информации, предоставляемой обществу по интересующим его вопросам, причем не важно, касаются ли эти вопросы изменений климата или частных дел знаменитостей. К последним общество проявляет большой интерес, и нынешняя парадигма конституционно-правовой сферы только поощряет прессу максимально его удовлетворять.

В западном обществе в последнее время происходит своего рода реприватизация субъективной сферы, то есть права личности на частную жизнь и неприкосновенность частной информации расширяются в законодательном порядке. Кроме того, сфера приватного, то есть исключенного из потока свободной циркуляции, расширяется по мере активизации авторского и патентного права. (В последнем случае, правда, речь идет о проблемах, возникающих на стыке гражданской и экономической сфер — по Шпинеру, конституционно-правового и экономического порядков знания.)

Другой проблемой является проблема, вытекающая из самого глубинного принципа гражданского (или конституционно-правового) порядка знаний: годится, подлежит высказыванию любое мнение, даже идиотское и ложное. Конституционно-правовой порядок (а, соответственно, и гражданское общество) принципиально отвергает требование квалифицируемости высказываемого мнения (его истинности, обоснованности, рациональности и т.д.). Демократия - не теория познания. «Демократические выборы, являются тайными - напоминает

Шпинер; - это означает, что без всякой проверки отдаваемые голоса *подсчитываются*, но не *взвешиваются*»¹⁵. Примерно та же проблема существует применительно к масс-медиа, императивом которых является информирование, то есть максимально широкое представление, а не фильтрование, не селекция знаний.

История говорит о разных способах решения этой проблемы по мере становления гражданского общества и демократической прессы. Они сводятся (а) к попыткам эпистемологической квалификации знаний, допускаемых в сферу свободной циркуляции (с точки зрения проверяемости, обоснованности, рациональности), (b) к попыткам их квалификации с точки зрения пропагандируемой идеологии и (с) к попыткам их морально-этической квалификации. К первому способу относится целый ряд редакционных практик СМИ (например, gatekeeping), ко второму и третьему – введение разного рода цензов и ограничений (ценз оседлости, имущественный ценз, возрастной ценз, дискриминация по полу, гражданству, национальной или этнической принадлежности и т.д.), применяемых в отношении лиц, имеющих право на выражение своих знаний, то есть, скажем, имеющих право голоса в принятии важных решений на общегосударственном или локальном уровне.

Так, долгое время предполагалось, что женщины по своей когнитивной и эмоциональной конституции не способны формировать истинное, обоснованное и разумное мнение, то есть, можно сказать, женщины являются эпистемологически ущербными существами – эпистемологическими инвалидами. Понадобились долгие десятилетия борьбы за всеобщность избирательного права, пока наконец женщины не были допущены к избирательным урнам. Такого же рода мнения выражались в отношении черных. До сих пор нельзя считать полностью разрешенным вопрос о том, каков нижний возрастной предел когнитивной зрелости. Это относительно эпистемологической квалификации знаний.

Также имели и имеют хождение множество повседневных теорий о том, например, что верное (истинное) мнение об интересах общества или локальной общины могут иметь только те граждане, что прожили в данном государстве, или, городе, поселке, не менее определенного количества лет (в случае ценза оседлости), или только те, что обладают

¹⁵ Spinner H. Die Wissensordnung... S. 111

недвижимым имуществом на данной территории (имущественный ценз), или только принадлежащие к титульной национальности. При этом предполагается, что мнения лиц, не принадлежащих к названным категориям, относительно интересов общества ложны – либо потому, что они недостаточно интегрированы в соответствующую общность, либо потому, что они ориентированы на интересы другой национальной или государственной общности. Ясно, что подобные цензы независимо от того, введены ли они формально или практикуются неформально, на межличностном уровне, представляют собой нарушение принципов равенства, доверительности, солидарности и других, конституирующих гражданскую сферу. Но с другой стороны, столь же ясно, что полноценный учет этих мнений, способен нарушить существующую солидарность, доверительность и т.д. Здесь таится объективная проблема взаимодействия гражданского общества с другими сферами общественной жизни, о которых подробнее говорится в следующем разделе.

Предпримем здесь краткий экскурс в область социологии знания. Такая квалификация мнений (влекущая за собой их частичное исключение из конституционно-правового порядка) есть квалификация по критерию социологии знания, потому что в приводимых обычно аргументах о ложности этих мнений содержится предпосылка о воздействии социальных условий на содержание и на истинность знаний – то, что Мангейм вслед за Марксом называл "привязанностью мышления к бытию" (*Seinsgebundenheit des Denkens*). В принципе классическая социология знания не очень далеко ушла от повседневных теорий. Маркс закрепил право на истинное знание интересов общества за одним социальным классом – пролетариатом; это имущественный ценз наоборот: истину знает тот, кому "нечего терять кроме своих цепей". Буржуа были объявлены эпистемологическими инвалидами, вроде женщин, но не по психофизиологическому критерию, а по критерию, выведенному из социологии знания. Поэтому их мнение должно было быть исключено, а само «буржуазное» гражданское общество ликвидировано как таковое с перспективой создания общества истинно мыслящих и судящих индивидов.

То же самое у Мангейма; только здесь было "нечего терять" интеллигенции, которая считается свободной от всякого рода корыстных интересов и потому именовалась "свободно парящей". Но Мангейм не выдвигал требования лишения всех, кроме интеллигенции, права голоса, за что и подвергался со стороны марксистов критике за

непоследовательность. Сами же они – не Маркс, а его последователи, советские марксисты – сделали совершенно логичный организационно-правовой вывод из марксовой социологии знания, лишив в 20-е годы права голоса представителей так называемых эксплуататорских классов, ликвидировав тем самым гражданское общество и конституционно-правовой порядок как его наиболее последовательное организационно-правовое воплощение.

Если эпистемологическая квалификация знаний предполагает в качестве институционального механизма разного рода цензы и ограничения на право выражения мнений, то морально-этическая квалификация требует введения моральной цензуры. В этой области критерии социального здоровья и нездоровья высказываний еще в большей степени определяются повседневными теориями, как правило, в принципе недоступными верификации, что, в конечном счете обрекает моральные суждения и осуждения на субъективизм и произвол.

Попытки введения разного рода цензов и цензур всегда были попытками выработки системы своего рода самокоррекции конституционно-правовой сферы, подобной той системы самокоррекции, которая имеется в научной, академической системе знания. Там критика знаний является ее важнейшим конституирующим элементом. Но это критика, опирающаяся на четко сформулированные эпистемологические критерии. Введение таких критериев в общественное мнение (то есть в конституционно-правовой порядок) ведет, как мы видим, к разрушению самих конститутивных принципов этой сферы.

Сфера экономики

Институциональной основой этой сферы являются коммерческие механизмы самых разных областей деятельности, прежде всего, разумеется, финансов и промышленности. В качестве нормативной основы выступает право собственности как право на распоряжение имеющимися ресурсами – нас интересует в нашем контексте, прежде всего, знания, мнения и идеологии – и их использование. Включение того или иного вида знания в сферу экономического порядка определяется чисто экономическим критерием окупаемости.

Если в гражданской сфере знание, как мы видели, отделено от собственности – и это является его ее конститутивным принципом, то здесь это ограничение снято, чем и определяется далеко идущая

специфика экономической сферы по сравнению с гражданской, а также и с научной сферой. В последней господствует (в идеальном, разумеется, случае) "коммунизм знаний" – знание является общим благом, то есть, говоря юридическим языком, общественной, не имеющей владельца собственностью, в чем она сходна с гражданским обществом. Ныне в силу экономических и правовых преобразований знание все более превращается в товар, и рынок знаний обретает черты нормального рынка, руководящей идеей которого становится приватный интерес.

Коммерциализация знаний происходит не только применительно к собственно экономическим областям (производство, финансы), но и применительно к таким областям, как развлечение, информирование, политика и др. Возникает «индустрия» развлечений, информационная, политическая и т.д. «индустрии», где типы институты, мотивации, методы процессирования знаний, а следовательно, формы распространения мнений и идеологий регулируются чисто экономическими механизмами. Экономика здесь самым разнообразным образом пересекается с общественным мнением (конституционно-правовым порядком). Возникает, как пишет Шпинер, "дуальный порядок", то есть порядок сосуществования нормативных регулятивов, свойственных двум взаимодействующим сферам: со стороны гражданской сферы действуют нормы классического свободного конституционно-правового порядка, со стороны товарной стоимости выражаемых мнений – нормы экономического порядка. Этот дуальный порядок проявляется в том, что мы выше называли «двойным членством» применительно, в первую очередь, к индивидам, которые всегда и неизбежно являются членами как гражданского общества, так и экономических структур, причем это происходит даже в том случае. Когда индивид не является предпринимателем по профессии, а просто вовлечен в экономическую деятельность по причине необходимости обеспечения собственной жизни. Поэтому самый «чистейший» член или актер гражданского общества при всей чистоте и искренности его мотивов неизбежно усваивает и практикует элементы экономической мотивации, частного интереса, который неизбежно реализуется в его чисто гражданской деятельности. Эта достаточно банальная констатация тем не менее необходима, поскольку в практике исследований гражданского общества эта составляющая его реального существования (на индивидуальном уровне), насколько мне известно, совершенно не учитывается. А ведь тенденция преобладания нормативов экономического порядка в гражданской сфере

и первостепенная роль их при обсуждении НКО (применительно к источникам их финансирования) является фактом.

Государственно-административная сфера

Вряд ли можно однозначно судить о мотивации конституирующей эту сферу. С одной стороны, это стремление к всеобщему благу – и в этом смысле она совпадает с мотивацией, характерной для гражданской сферы, – с другой стороны, это стремление к власти и господству, то есть априори частный интерес, – и в этом смысле она близка к экономической сфере, тем более, что власть, по крайней мере, у нас в России, но как правило и повсюду в мире легко конвертируется в экономическую мощь, а экономическая власть, в свою очередь, имеет возможность достаточно легко конвертироваться в политическую. Проще говорить об институциональных принципах этой сферы. Это хорошо известные принципы бюрократической деятельности: строгая иерархия, четкое распределение компетенций и сфер ответственности, отделение управления от владения (здесь отличие от архетипического, небюрократизированного состояния экономической сферы) и, наконец, документальная фиксация всего происходящего в сфере управления. Преобладающей формой формирования, сохранения и передачи знания здесь является документ. Знание здесь – это профессиональное и служебное знание, распоряжение и управление которым регулируется иерархически в соответствии со сферами ответственности государственных служащих.

Помимо отличий о которых мы упомянули и еще некоторых, о которых скажем ниже, административно-государственное знание в отличие от знания в конституционно правовой, то есть в гражданской, сфере состоит в напряженном отношении между бюрократической служебной тайной, которая, например, полностью характерна для спецслужб, и демократической открытостью документов. Гражданская сфера по самой сути своей – открытая сфера, административно-бюрократическая сфера в значительной степени (и тоже по сути своей) закрыта. Степень закрытости может быть различной. На всем протяжении становления гражданского общества на Западе в этой области наблюдается постоянное сопровождающееся изменением законодательства движение в сторону «открытия» бюрократической информации, логическим завершением которого может стать бюрократия,

принимающая решения на основе информации, доступной всем гражданам. Это один из идеальных полюсов континуума бюрократического развития. Другим полюсом является бюрократия, действующая исключительно на основе информации, представляющей собой служебную тайну. В этом различие между гражданской бюрократией и военно-полицейской бюрократией. Реальные государственные бюрократии помещаются в разных точках этого континуума.

Надо при этом заметить, что открытость бюрократии сама по себе не является абсолютной ценностью, ибо сочетается с необходимостью жесткой охраны персональной информации о гражданах, которая систематически собирается бюрократией для целей управления. Поэтому даже для самой «прогрессивной» и обладающей гражданской ответственностью бюрократии характерны двоякого рода тенденции: к открытию и закрытию информации.

Уместно сказать несколько слов о военно-полицейской бюрократии, сколь ни была бы она ненавистна многим борцам за гражданское общество. Конфликты, связанные с ней, в любом обществе запрограммированы, ибо военной полицейский порядок знаний, как обозначает ее Шпинер, предполагает тайный порядок получения, переработки и применения информации. В принципе, имеется множество разновидностей тайного знания – от эзотерических сведений культового характера до врачебной тайны, банковской тайны, коммерческой тайны или тайны исповеди. Все они относятся к разным сферам социальной жизни. Имеются секреты, мотивируемые экономически (коммерческая, банковская тайны), религиозно (тайна исповеди), имеются бюрократические требования относительно сохранения в тайне определенной информации о гражданине (врачебная тайна, адвокатская тайна и другие секреты, вытекающие из принципов охраны когнитивных прав личности и возникающие в зоне пересечения конституционно-правовой и бюрократической сфер). Но все они не предполагают особой когнитивной организации – особого порядка знаний. Таковой возникает только применительно к тайному знанию, получаемому, перерабатываемому и используемому в связи с целями обеспечения внутренней и внешней безопасности государства. Это могут быть сведения любого рода, попадающие в сферу интересов полиции и спецслужб, но прежде всего знания, касающиеся военно-технических аспектов деятельности вооруженных сил и ведения военных действий. К

нему относятся два рода деятельности: обеспечение тайны и раскрытие тайн других. Его специфическую когнитивную организацию можно лучше понять путем сравнения его норм с соответствующими нормами функционирования других порядков или сфер жизни общества. Более всего он отличается от функционирования конституционно-правовой сферы: если в последней (а) допускается и приветствуется любое знание и (б) господствуют принципы свободы высказывания и свободы сохранения личностью собственных знаний, то в рамках военно-полицейского порядка (а) получаемые знания подвергаются строгой селекции с точки зрения их соответствия критериям безопасности и (б) обе свободы принципиально отвергаются.

Заключая это по необходимости краткое рассмотрение бюрократического порядка, отметим, что он свойственен не только государственной бюрократии, но бюрократической, то есть организационной деятельности как таковой. Если учесть, что мы живем в так называемом организационном обществе, и организация является главным орудием решения задач в любой сфере общественной жизни, в том числе и в экономической, и в той, что охватывается понятием гражданского общества, бюрократическая организация накладывает свою печать и на гражданское общество, порождая внутри его, также как на «границе» между гражданским обществом и государством целый ряд специфических проблем и конфликтов.

Рассмотрение трех указанных сфер общественной жизни позволяет судить об их принципиально различной внутренней организации. Для гражданской сферы (гражданского общества) характерны *равенство, солидарность, открытость, уважение к другому и доверие*. Эти категории в разных исследовательских контекстах могут рассматриваться как ценности гражданского общества, как мотивы, практикуемые в контекстах гражданского общения, как (при соответствующей разработке и конкретизации) модели взаимодействия в рамках гражданского общества, имеющие нормативный характер и предполагающие институционализацию, то есть воплощение в виде реальных институтов гражданского общества.

Практически ни одна из рассмотренных нами других сфер не демонстрирует тот же набор признаков. Экономическая сфера целиком зиждется на частном индивидуальном интересе, что априори делает нехарактерными для нее такие категории как равенство и солидарность в

их чистом виде. Разумеется, многие из характеристик гражданской сферы формально воспроизводятся и в экономике (например, равенство как равенство экономических возможностей), но они не могут быть усвоены ею материально. Государственная бюрократия в этом смысле ближе к гражданской сфере, ибо в ней требования равенства и солидарности, например, прокламируются как регулятивные принципы, а следовательно и конечные мотивы деятельности. При этом также бюрократические правила требуют отношения к гражданам как к равным друг другу, но в то же время сама бюрократия строго иерархизирована, что, в принципе, не характерно (или не должно быть характерно) для гражданской сферы. Существует и множество других различий и сходств, которые, в своей совокупности и определяют динамику отношений гражданского общества с другими сферами и областями общественной жизни.

Названными сферами, разумеется, общество не исчерпывается. Можно говорить о религии, как особой сфере, о науке, о семье и нации как особых сферах жизни со своими конституирующими признаками и закономерностями. Здесь рассмотрены лишь экономика и государство, поскольку именно в пересечении и взаимодействии с ними формируются основные конфликты и проблемы, связанные с развитием гражданского общества.

3. Взаимодействие гражданского общества и других сфер общественной жизни

Отношение между гражданской и экономической сферами

Можно говорить о границах между гражданской и негражданской сферами с точки зрения вкладов (inputs), деструктивных воздействий и исправляющих гражданских воздействий. Пограничные напряжения могут серьезно нарушать функционирование гражданского общества, угрожая самой возможности полноценной демократической социальной жизни. Это разрушительные воздействия, перед лицом которых акторы и институты гражданского общества ищут способы регулирования и реформирования того, что происходит в негражданских сферах. Но взаимопроникновение subsystems может происходить и другим способом. Товары и социальные формы, производимые в других сферах, могут, наоборот, способствовать более полной реализации гражданской жизни. Консервативные теоретики и политики, не говоря уже об элитах самих

этих негражданских сфер, обычно стремятся подчеркнуть позитивный вклад негражданских сфер в совершенствование социальной жизни. Либералы и левые политики и теоретики, а также разного рода радикалы, анархисты и антиглобалисты, наоборот, чаще всего говорят о деструктивных результатах такого взаимопроникновения и необходимости «восстановительных» мероприятий. В попытках теоретически понять взаимодействие гражданского общества социальных институтов другого рода нельзя игнорировать ни ту, ни другую стороны.

То, что экономика в ее капиталистической форме оказывает многообразные и глубокие воздействия на гражданское общество, является очевидным историческим и социологическим фактом. В рыночно ориентированной экономике поощряется независимое, рациональное поведение, ориентированное на личный интерес. Именно поэтому, говорит Дж. Александер, на которого мы в значительной мере опираемся в этом разделе, ранние провозвестники капитализма от Монтескье до Адама Смита пропагандировали рыночное общество как успокаивающее и цивилизирующее лекарство от милитаристской мании величия аристократического устройства¹⁶. Частично именно по этой причине общества, недавно вышедшие из коммунизма, сознательно и целенаправленно основывают свою демократическую жизнь на рыночном основании. Но независимо даже от рынка, индустриализацию можно рассматривать в позитивном аспекте. Создавая огромные запасы дешевых и доступных материальных предметов, материальное производство снимает или смягчает различия того, что называют «статусными маркерами», то есть предметов, символизирующих различия между бедными и богатыми, и собственно говоря, разделяющих богатых и бедных в практической жизни в сравнительно неразвитых экономиках. В результате все больше людей получают возможность выразить свои индивидуальность, автономию и равенство посредством потребления и таким образом поучаствовать в общей культурной жизни. Положительные импульсы идут также и со стороны производства. Как одним из первых показывал Маркс, сложная форма коллективной работы и взаимодействия, требуемая на современных производственных предприятиях, может считаться формой социализации, когда человек научается уважению и доверию по отношению к партнерам по гражданской сфере.

¹⁶ Real Civil Societies... p.9

В той степени, в какой капиталистическая экономика обогащает гражданское общество таким чертами как независимость, самоконтроль, рациональность, самореализация, кооперация и др., пограничные отношения между этими сферами не составляют проблемы, а их дифференциация ведет в конечном счете к интеграции общественной жизни при одновременном усилении индивидуальности членов общества. В то же время всем, кроме самых ярых рыночников, ясно, что индустриальная рыночная экономика во многих отношениях является препятствием на пути гражданского общества. В нормальном языке социальных наук это выражается прежде всего в терминах экономического неравенства — классовых разделений, дифференциации жилищных условий, бедности, безработицы и т.д. Эти явления, будучи концептуализированы в общественном мнении в терминах гражданского общества как социальные проблемы, становятся основанием социальных движений, здесь они рассматриваются как деструктивные вторжения в гражданскую сферу и как восстановительная реакция гражданской сферы на эти вторжения.

Экономическая стратификация, прежде всего, стратификация по результатам экономической деятельности сужает гражданское общество и ведет к его поляризации и частичному разрушению. Здесь возникает то, что Дж. Александер называет «дискурсом рапрессии», или «дискурс изначального неравенства», клеймящий и унижающий экономическую неудачливость. Несмотря на то, что нет изначальной связи между неспособностью достичь успеха в экономической сфере и неумением удовлетворять требованиям гражданского общества — а именно в отсутствии этой связи заключается самый смысл конструкции независимой гражданской сферы! — такая связь постоянно проводится на практике. Если человек беден, считается, что он не способен мыслить рационально, зависим и ленив, что он вообще неполноценен, причем не только как экономический актор, но как член общества как таковой. «Если ты такой умный, то почему ты бедный!» Неравномерность распределения ресурсов, свойственная экономической жизни, как бы распространяется на гражданскую компетентность или некомпетентность. Часто актерам, не имеющим экономических достижений или богатства трудно заставить себя слушать не в экономической, а именно в гражданской сфере, добиваться уважения со стороны государственных институтов и успешно взаимодействовать с другими, экономически успешными людьми в рамках гражданского общества. Бедность

оказывается клеймом, она дискредитирует человека как гражданина. Наконец, материальная власть, то есть власть, обретенная в экономической сфере, очень часто становится основой повышенных притязаний в гражданской сфере, что уже отмечалось в предыдущем разделе.

Похожие проблемы, связанные с экономической властью, возникают в средствах массовой информации. Несмотря на то, что профессионализация, а частично и бюрократизация журналистики привели к разделению собственности и управления СМИ, предприниматели, принадлежащие к разным политическим группам, путем покупки СМИ могут менять и меняют на практике коммуникативные институты, играющие центральную роль в строении гражданского общества.

Но, несмотря на все эти проблемы, в той степени, в какой гражданское общество существует как независимая сфера, экономически непривилегированные граждане обладают, как сказано выше, двойным членством. Они не просто неуспешные и угнетаемые члены капиталистической экономики, они могут притязать на уважение и власть на основе своего только частично реализуемого членства в гражданской сфере. Более того, в силу универсализма солидарности, предполагаемого гражданским обществом, они верят, что их притязания получат необходимый отклик. Они выражают свои меседжи через коммуникативные институты гражданского общества, организуют при посредстве его сетей и публичных площадок социальные движения с требованием социализма или просто экономической справедливости, создают добровольные организации, в частности, профсоюзы, требующие честной игры и свободы выражения интересов наемных работников. Иногда они используют площадки гражданского общества (социальные движения и инициативы), а также регуляторные законодательные механизмы, чтобы принудить государство к вмешательству в экономическую жизнь в их пользу. Хотя эти попытки восстановления равенства и солидарности часто не удаются, иногда они все же достигают успеха, и «права трудящихся» получают институциональное оформление. Тогда, можно сказать, гражданские критерии вводятся прямо и непосредственно в экономическую, сугубо капиталистическую сферу. Например, закрываются производства с опасными условиями труда, ставится вне закона дискриминация на рынке труда, ограничивается авторитарная экономическая власть, контролируется и гуманизируется

безработица, само богатство перераспределяется согласно критериям, которые принципиально противоположны чисто экономическим. Здесь союзником гражданского общества и даже его мощным орудием в борьбе с деструктивным воздействием экономической сферы оказывается государственная бюрократия.

Отношения напряженности и взаимодействия на границе между экономикой и гражданским обществом, как они здесь описаны, не могут быть поняты и концептуализированы, если рыночный капитализм и гражданское общество считаются тождественными – как это было на первом и втором этапах развития представлений о гражданском обществе, как они представлены в первом разделе работы. Только если разделить эти две сферы аналитически, можно дать эмпирическое описание не только острых экономических конфликтов последних двух столетий, но и экстраординарных «восстановлений» социальной ткани в ответ на эти конфликты. Примером здесь может служить резкое улучшение условий труда и вообще жизненных обстоятельств работников в западном капитализме в первой половине XX века как реакция на возникновение и развитие международного рабочего движения и попытки или успех социалистических революций в некоторых странах Европы и в России. Несомненно, что такая игра положительных импульсов, деструктивных вторжений и восстановлений на границе гражданской и экономической сфер будет всегда продолжаться и в будущем. Думается, особенно актуальна эта борьба в России, где гражданское общество, его институты и нормы еще не сформированы полностью, также как не уяснены окончательно правила отношений государства и бизнеса, то есть административно-бюрократической и экономической сфер.

Отношения между гражданской и неэкономическими негражданскими сферами

С точки зрения Дж.Александера, наиболее, пожалуй последовательного сторонника идеи дифференциации сфер общественной жизни, как она проводится в этой работе, отделение гражданского общества от экономической сферы может не только способствовать лучшему пониманию экономических конфликтов, но, будучи последовательно проведенным, может вести к отказу от отождествления «капитализма» и «общества», то есть от самой идеи о том, что общество, в котором мы живем, должно быть записано под рубрику

«капиталистическое». В конце концов, говорит он, рынок – не единственная и не самая опасная большая угроза демократической социальной жизни. Каждая из других негражданских сфер в разные периоды и разными путями подрывает гражданское общество. В католических странах евреи и протестанты часто не рассматриваются как полноценные сограждане и лишаются возможности полноценного участия в гражданской жизни. На протяжении всей истории гражданских обществ патриархальная семейная власть прямо выражается в ущербном гражданском статусе женщин. Научная и профессиональная власть наделяет особыми правами экспертов и исключает простых людей из участия в жизненно важных гражданских дискуссиях. Политические олигархии не только в частных организациях, но даже в национальных правительствах используют тайну и манипуляцию, отнимая у членов гражданского общества право на доступ к информации о важнейших решениях, определяющих их коллективную жизнь. Также ужасающим образом искажает гражданское общество расовое и этническое структурирование изначальных общностей. Даже язык превращается политиками и не только политиками в орудие статусной дифференциации членов одной и той же гражданской общности. Все эти многообразные неравенства могут концептуализироваться в категориях инклюзии/эксклюзии, то есть включения/исключения индивидов как членов гражданской общности. Там, где возникают эксклюзивные права (все равно, осуществляется ли эксклюзия с положительным или отрицательным знаком, и все равно, на каких основаниях она осуществляется), гражданская общность разрушается.

Фактически, отождествление капитализма с гражданским обществом – лишь один из примеров редукативного смешения гражданского общества с какой-либо из негражданских сфер. В ходе западной истории антигражданские вторжения, о которых упоминалось выше, оказывались иногда в отношении гражданского общества столь деструктивными, что социальные движения, организованные для их восстановления, и теоретики, артикулирующие идеологию этих движений, начинали верить, что эти препятствия и блокировки присущи гражданскому обществу как таковому. Социалисты утверждали, что гражданское общество имеет сущностно и необратимо буржуазный характер, что пока существуют рынок и частная собственность, участники экономической жизни никогда не будут считаться равными и пользоваться равным уважением, пролетарии всегда будут угнетены, а

буржуа – всегда господствовать. В результате возник утопический проект коммунизма как тотального воплощения принципов гражданственности. Аналогичным образом радикальные феминистки утверждают, что гражданское общество сущностно патриархально, и что идея гражданского общества не может быть реализована в обществе, в котором есть семья, где мужчины изначально господствуют над женщинами. Также сионисты утверждали, что для всех европейских обществ как таковых, характерен глубочайший антисемитизм, заложенный в самых основах западного христианства и связанной с ним социально-экономической структуры. Черные националисты считают, что расизм принадлежит к сущности гражданского общества, и что в обществах, где господствуют белые, черные всегда будут исключены из гражданской сферы. Все эти отождествления гражданского общества с какой-то одной из сфер жизни, логически требуют ликвидации гражданского общества и создания на его развалинах какой-то институционально иной справедливости. Они абсолютизируют частные исторические примеры извращенных пограничных отношений гражданского общества с какой-то из негражданских сфер и выдвигают неправомерный тезис о том, что такое отношение присуще гражданскому обществу по самой его природе. На этом основании и начинается проектирование разного рода утопий, например, коммунистической, отрицающих необходимость универсалистской гражданской сферы и претендующих на ликвидацию пограничных конфликтов вообще как таковых. Что они отрицают на самом деле, так это плюрализм, сложность и неизбежно потенциально конфликтную природу демократической социальной жизни. Отделение капитализма от гражданского общества необходимо для признания относительной автономии, существующей между гражданским обществом и другими социальными сферами, которая иногда проявляется в деструктивных взаимопроникновениях, но в то же время гарантирует возможность восстановления адекватной структуры гражданского общества.

Парадокс институционализации гражданского общества

Таким образом, если подвести итоги всего предшествующего изложения можно прийти к выводу о том, что гражданское общество представляет собой лишь одну из сфер общественной жизни, регулируемую собственными специфическими правилами, а отнюдь не

охватывает все общество в целом, будучи противопоставленным исключительно государству. Не в меньшей, а как правило, в большей степени, чем государству, гражданская сфера противостоит сфере экономики, сфере национальной жизни, сфере семьи и, возможно некоторым другим негражданским сферам. Основой противопоставления — и одновременно причиной взаимодействия гражданского общества и других, негражданских сфер жизни является наличие в этих сферах иных правил поведения, иных мотивов поведения, иных ценностей, иных критериев суждения и иных правил процессирования знания (переработки информации).

В отличие от всех других сфер, гражданское общество может быть охарактеризовано, если использовать гегелевский язык, как сфера всеобщности. Человек выступает в нем в самом абстрактном виде, будучи свободным от всех своих конкретных определений — пола, возраста, национальности, профессии и т.д. — и равным любому другому гражданину. Одновременно член гражданского общества действует и в других сферах, а потому является членом других, негражданских групп. Именно в этом смысле мы говорим о двойном членстве; это двойное членство является одновременно и путем и орудием враждебных вторжений в гражданскую сферу, и средством воздействия гражданской сферы на негражданские, ведущего к демократизации жизни негражданских сфер. Примерами такой демократизации могут служить такие процессы, например, как установление производственной демократии, привлечение рабочих к участию в управлении производством (в сфере экономики), меры усиления открытости государственного и муниципального управления, состоящие в большем учете мнения граждан, а также а систематической публикации в прессе и в Интернете управленческих материалов и данных из сферы государственной бюрократии). «Огражданствливание» негражданских сфер, проникновение в них элементов гражданского общества является ныне широко распространенной и далеко идущей тенденцией, имеющей однако свои естественные пределы, коренящиеся в принципиальных различиях этих сфер. Это, в основном, партикулярные сферы, ориентирующиеся на свои особые ценности и интересы.

Исключение составляет в значительной степени государство, также характеризующееся признаком всеобщности. Гражданское общество и государство — не принципиальные противники, а «близнецы». В договорных теориях государства последнее прямо является продуктом

гражданского общества, воплощающегося в «общей воле» граждан, в то время как экономика, нация, семья и прочие негражданские сферы ведут свое происхождение из совершенно иных оснований. Государство в идеальном варианте – это синопсис целей и ценностей гражданского общества, его наименьший общий знаменатель и гарант его существования. Кроме того, государство – это важнейшее орудие реализации целей и методов гражданского общества в негражданских сферах жизни. Это, пожалуй, важнейшая функция государства применительно к гражданскому обществу.

Почему же противопоставление гражданского общества государству стало общим местом как в некоторых социальных теориях, так и в практике большинства институтов и организаций гражданского общества? Одна из причин такого положения имеет теоретическое происхождение. В ранних, первоначальных концепциях гражданского общества, где гражданское общество как таковое противопоставлялось феодальному аристократическому милитаризованному государству, гражданским обществом считалось все, что не государство, в том числе экономическая, семейная, национальная жизнь и т.д. В этом смысле современное противопоставление гражданского общества государству выступает как пережиток этих ранних теоретических концепций и, соответственно, пережиток того раннего практического состояния борьбы ростков современного общества с традиционной властью.

Кроме этой – скажем условно – теоретической причины имеются несколько причин более практического характера. Во-первых, это обстоятельства появления современных концепций и подходов к гражданскому обществу, которые, как общеизвестно и как отмечалось в самом начале статьи, актуализировались в ходе современных восточноевропейских революций, направленных на слом коммунистического господства. Это были революции, направленные не против государства как такового, но против конкретного коммунистического государства, но их антигосударственный пафос прочно угнездился в большинстве современных концепций и практик гражданского общества, причем восточноевропейских концепций и практик – гражданское общество в западных странах не считает государство своим изначальным противником.

Из совокупности двух вышеназванных рождается третья причина противопоставления гражданского общества и государства. В историческом обзоре в первом разделе статьи было показано, что именно

противопоставление гражданского общества как целого социальной жизни государству плюс отождествление общества с капитализмом (идея «капиталистического общества») привели в конечном счете к дискредитации гражданского общества и появлению альтернативных утопических, анархических, социалистических концепций общества, с одной стороны, и к появлению потребности в сильном государстве, способном регулировать игру общественных сил, – с другой. Практически речь шла о том, что противопоставление гражданского общества государству позволяло выступать под маской всеобщности партикулярным, прежде всего экономическим интересам, которые, в конечном счете, подчинили себе общество. На протяжении постсоветских десятилетий во многих восточноевропейских государствах, и прежде всего в России, противопоставление гражданского общества государству вело, а зачастую ведет и сейчас по сути дела к тем же последствиям. Гражданское общество, понимаемое как общий резервуар всего негосударственного, по существу начинает представлять собой общий аквариум, где совместно проживают нежные гражданские аквариумные рыбки и быстрые капиталистические пираньи. Чтобы избежать неправильного понимания, прибегну к уточнению. В нынешних наших концепциях гражданского общества, конечно же, экономическое не отождествляется с гражданским (экономические группы и организации не отождествляются с группами и организациями гражданского общества), но вместе с тем в качестве своего основного противника гражданское общество видит не экономические интересы, а интересы государства. Общество считается капиталистическим, а потому «общественники» рука об руку с «капиталистами» должны выступать против государства.

В этом и состоит, на мой взгляд, коренная ошибка и глубокое противоречие современного позиционирования гражданского общества в нашей стране. Такое положение выгодно только экономическим акторам, которые оказываются в состоянии маскировать свои партикулярные интересы интересами гражданского общества. Поэтому, я полагаю, и необходимо рассматривать гражданское общество как особую сферу, отличную от негражданских экономической, национальной (и других) сфер. То есть надо разводить общество как *locus* равенства, уважения, доверия и свободы, и капитализм, где господствуют совершенно иные ценности.

В то же время, конечно, нельзя и пренебрегать фактом их достаточно глубокого взаимного проникновения. Гражданское общество

ныне все более институционализируется, что означает: принимает организационные формы. Конечно, можно понимать (и фактически в большинстве исследований гражданского общества господствует такое понимание) регистрацию НКО как получение лицензии на равенство, солидарность, доверие, уважение, сотрудничество, человечность, бескорыстие и прочие гражданские добродетели. Но парадокс, заключающийся в институционализации гражданского общества, состоит в том, что по мере институционализации оно нарастающим образом бюрократизируется и коммерциализируется. Организации гражданского общества (прежде всего, НКО, а в большинстве исследований совокупность НКО и отождествляется с гражданским обществом как таковым) суть неизбежно *организации*, а потому следуют с необходимостью нормам и принципам организационной деятельности: выстраивают иерархию, разделяют сферы ответственности, вводят документооборот и т.д. В результате появляется может быть хорошая, то есть достаточно рационально организованная с точки зрения целей организации, а может быть плохая, но все равно – бюрократия.

Бюрократизации гражданского общества сопутствует его коммерциализация. Это также неизбежный процесс. Функционирующая организация требует финансирования. Если государственная организация финансируется из бюджета (т.е. за счет налогов) – и это логичный источник финансирования, поскольку государство существует для удовлетворения общих интересов, – то для организаций гражданского общества есть три пути: финансирование из бюджета, финансирование за счет экономических акторов (взносы, пожертвования), финансирование за счет собственной коммерческой деятельности. Во всех трех случаях организации гражданского общества утрачивают свою гражданскую невинность. В первом случае – в соитии с государством, во втором случае – с бизнесом, а в третьем – вообще частично утрачивают собственную гражданскую идентичность. Хотя средства, полученные от коммерческой деятельности, не распределяются среди участников, а направляются на цели организации, гражданские менеджеры неизбежно становятся коммерческими менеджерами (по целям и по мотивации) и, в случае успеха своей работы, каким-то образом обогащаются и лично. И это вполне естественно ввиду спроса на гражданскую помощь. Кроме того, бюрократизация гражданского общества порождает внутри его иерархию должностей, подъем в рамках которой гарантирует большую власть, каоторая может быть употреблена и, как правило, употребляется не

только для достижения граждански значимых целей, но и для достижения собственных выгод и преимуществ. И даже самые что ни на есть независимые СМИ, которые представляют собой едва ли не центральный институт гражданского общества, не могут не коммерциализироваться ввиду объективного процесса «коммодификации» информации.

По всем этим причинам, как представляется, возникает три главных перспективных направления исследования гражданского общества в современной России: теоретическое, состоящее в проведении четкой дифференциации разных сфер социальной жизни и определение специфики гражданского общества как особой сферы, характеризующейся собственными принципами и закономерностями, и два практических — изучение фактических и желаемых путей взаимодействия гражданского общества и государства и исследования путей и следствий взаимопроникновения гражданских и негражданских сфер общественной жизни. Для этого необходимо взаимодействие концептуальных аппаратов различных социально-научных дисциплин, но прежде всего, освобождение исследователей от власти обыденного, политически нагруженного языка, который не дает подняться на уровень объективного научного исследования и понимания.